

КАТЕГОРИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[Одноименное, соименное, отыменное]

Одноименными называются те предметы, у которых только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности (logos tes ousias) разная, как, например, dzōon означает и человека, и изображение. Ведь у них только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности разная, ибо если указывать, что значит для каждого из них быть dzōon, то [в том и другом случае] будет указано особое понятие (logos). 1a
5

Соименными называются те предметы, у которых и имя общее, и соответствующая этому имени речь о сущности одна и та же, как, например, «живое существо» (dzōon) — это и человек, и бык. В самом деле, и человек, и бык называются общим именем «живое существо», и речь о сущности [их] одна и та же. Ведь если указывать понятие того и другого, что значит для каждого из них быть dzōon, то будет указано одно и то же понятие. 10

Наконец, отыменными называются предметы, которые получают наименование от чего-то в соответствии с его именем, отличаясь при этом окончанием слова, как, например, от «грамматики» — «грамматик», от «мужества» — «мужественный». 15

ГЛАВА ВТОРАЯ

[Сказываемое о предмете и находящееся в предмете]

Из того, что говорится, одно говорится в связи, другое — без связи. Одно в связи, например: «человек бежит», «человек побеждает»; другое без связи, например: «человек», «бык», «бежит», «побеждает».

20 Из существующего одно говорится о каком-нибудь подлежащем, но не находится ни в каком подлежащем, например человек; о подлежащем — отдельном человеке говорится как о человеке, но человек не находится ни в каком подлежащем; другое находится в подлежащем, но не говорится ни о каком подлежащем (я называю находящимся в подлежащем то, что, не будучи частью, не может существовать отдельно от того, не будучи частью, не может существовать отдельно от того, в чем оно находится); например, определенное умение читать и писать находится в подлежащем — в душе, но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном умении читать и писать. И определенное белое находится в подлежащем — в теле (ибо всякий цвет — в теле), но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном белом. А иное и говорится о подлежащем, и находится в подлежащем, как, например, знание находится в подлежащем — в душе — и о подлежащем — умении читать и писать — говорится как о знании. Наконец, иное не находится в подлежащем и не говорится о каком-либо подлежащем, например отдельный человек и отдельная лошадь. Ни то ни другое не находится в подлежащем и не говорится о подлежащем. И вообще все единичное и все, что одно по числу, не говорится ни о каком подлежащем, однако ничто не мешает чему-то такому находиться в подлежащем. В самом деле, определенное умение читать и писать принадлежит к тому, что находится в подлежащем, [но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном умении читать и писать].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[Род как сказуемое. Видовые отличия]

10 Когда одно сказывается о другом как о подлежащем, все, что говорится о сказуемом, применимо и к подлежащему, например: «человек» сказывается об отдельном человеке, а «живое существо» — о «человеке»; следовательно, «живое существо» будет сказываться и об отдельном человеке: ведь отдельный человек есть и человек, и живое существо.

15 У вещей, относящихся к разным и не подчиненным друг другу родам, различны и их видовые отличия, например у живого существа и у знания. Видовые отличия у живого существа

ва — это «живущее на суше», «двуногое», «крылатое» и «обитающее в воде», но ни одно из них не есть видовое отличие у знания: ведь одно знание отличается от другого не тем, что оно двуногое. Однако же никто не мешает, чтобы в пределах подчиненных друг другу родов видовые отличия были одними и теми же: ведь высшие роды сказываются о подчиненных им, а потому сколько видовых отличий имеется у сказуемого, столько же будет иметься и у подлежащего. 20

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ [Десять категорий]

Из сказанного без какой-либо связи каждое означает или сущность, или «сколько», или «какое», или «по отношению к чему-то», или «где», или «когда», или «находиться в каком-то положении», или «обладать», или «действовать», или «претерпевать». Сущность, коротко говоря, — это, например, человек, лошадь; «сколько» — это, например, длиною в два локтя, в три локтя; «какое» — например, белое, умеющее читать и писать; «по отношению к чему-то» — например, двойное, половинное, большее; «где» — например, в Ликее, на площади; «когда» — например, вчера, в прошлом году; «находиться в каком-то положении» — например, лежит, сидит; «обладать» — например, обут, вооружен; «действовать» — например, режет, жжет; «претерпевать» — например, его режут, жгут. Каждое из перечисленного само по себе не содержит никакого утверждения; утверждение или отрицание получается сочетанием их: ведь всякое утверждение или отрицание, надо полагать, или истинно, или ложно; а из сказанного без какой-либо связи ничто не истинно и не ложно, например «человек», «белое», «бежит», «побеждает». 25
2а
5
10

ГЛАВА ПЯТАЯ [Сущность]

Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, — это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь. А вторы-

15 ми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, — и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду «человек», а род для этого вида — «живое существо». Поэтому о них говорят как о вторых сущностях, например «человек» и «живое существо».

Из сказанного очевидно, что у того, что говорится о подлежащем, необходимо сказывается о подлежащем и имя, и понятие; так, например, человек сказывается о подлежащем — об отдельном человеке — и о нем, конечно, сказывается имя [человека]: ведь отдельного человека назовешь человеком и определение человека будет сказываться об отдельном человеке, ведь 25 отдельный человек есть и человек, и живое существо. Таким образом, и имя, и определение будут сказываться о подлежащем. Напротив, у того, что находится в подлежащем, в большинстве случаев ни имя, ни определение не сказываются о подлежащем; в некоторых же случаях ничто не мешает, чтобы имя иногда сказывалось о подлежащем, но определение не может сказываться о нем. Так, белое, находясь в теле как в подлежащем, сказывается о подлежащем (ведь тело называется белым), но понятие белого никогда не может сказываться о теле. А все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как 30 в подлежащих. Это становится ясным, если брать отдельные случаи: живое существо, например, сказывается о человеке, поэтому оно будет сказываться и об отдельном человеке; ведь если бы оно не сказывалось ни об одном из отдельных людей, оно не сказывалось бы и о человеке вообще. Далее, цвет находится в теле; стало быть, и в отдельном теле. Если бы он не находился ни в одном из отдельных тел, он не находился бы и в теле вообще. Таким образом, все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как в подлежащих. Поэтому, если бы не существовало первых сущностей, не могло бы существовать и ничего другого.

Из вторых сущностей вид в большей мере сущность, чем род, ибо он ближе к первой сущности. В самом деле, если станут объяснять, что такое первая сущность, то ее объяснят доступнее и более подходяще, указывая вид, чем указывая род; 10

так, указывая отдельного человека, укажут понятнее, указывая, что он человек, нежели указывая, что он живое существо; первое более свойственно для отдельного человека, второе более обще; и, указывая отдельное дерево, мы укажем понятнее, указывая, что оно дерево, нежели указывая, что оно растение. Далее, сущностями называются прежде всего первые сущности, потому что для всего остального они подлежащие и все остальное сказывается о них или находится в них. И так же как первые сущности относятся ко всему остальному, так и вид относится к роду, а именно: вид есть подлежащее для рода, ведь роды сказываются о видах, виды же не сказываются о родах. Значит, еще и по этой причине вид есть в большей мере сущность, чем род. Что касается самих видов, то, поскольку они не роды, один вид не в большей мере сущность, чем другой: [твое определение] несколько не будет более подходящим, если ты для отдельного человека укажешь «человек», чем если для отдельной лошади укажешь «лошадь». Точно так же одна первая сущность не в большей мере сущность, чем другая. Ведь отдельный человек есть сущность несколько не в большей мере, чем отдельный бык.

Вполне естественно, что после первых сущностей из всего прочего одни только виды и роды называются вторыми сущностями: из всего, что сказывается, только они выявляют первую сущность. В самом деле, если кто-нибудь станет объяснять, что такое отдельный человек, то он подходящим образом объяснит его, указывая его вид или род, притом он сделает это понятнее, указывая, что он человек, нежели что он живое существо. Какое-либо другое указание будет неподобающим, например, если указывать, что он бледен, или бежит, или что бы то ни было подобное. Потому вполне естественно, что из всего другого [помимо первых сущностей] только роды и виды называются сущностями. Далее, первые сущности, ввиду того что они подлежащие для всего другого, называются сущностями в самом основном смысле. И как первые сущности относятся ко всему другому, так же ко всему остальному относятся виды и роды первых сущностей: ведь о них сказывается все остальное. В самом деле, отдельного человека можешь назвать умеющим читать и писать; значит, так можешь назвать и че-

5 ловека, и живое существо. И таким же образом обстоит дело и во всех других случаях.

Общая черта всякой сущности — не находиться в подлежащем. В самом деле, первая сущность не находится в подлежащем и не говорится о подлежащем. Что касается вторых сущностей, то из следующего очевидно, что они не находятся
 10 в подлежащем; ведь о подлежащем — об отдельном человеке говорится как о человеке, но «человек» не находится в подлежащем, ибо «человек» не находится в отдельном человеке. Точно так же о подлежащем — об отдельном человеке говорится как о живом существе, но «живое существо» не находится
 15 в отдельном человеке. И далее, если нечто находится в подлежащем, то ничто не мешает, чтобы его имя иногда сказывалось о подлежащем, но определение не может сказываться о нем. Что же касается вторых сущностей, то о подлежащем сказываются и их определение, и их имя: ведь определение человека применимо к отдельному человеку и определение
 20 живого существа — точно так же. Поэтому сущность не принадлежит к тому, что находится в подлежащем. Это, однако, не есть особенность сущности, ведь и видовое отличие принадлежит к тому, что не находится в подлежащем. В самом деле, о подлежащем — о человеке говорится как о живущем на суше и как о двуногом, но они не находятся в подлежащем: «двуное» или «живущее на суше» не находится в человеке.
 25 Равным образом и определение видового отличия сказывается обо всем, к чему применимо [само] видовое отличие; например, если «живущее на суше» говорят применительно к человеку, то и определение «живущего на суше» может сказываться о нем, ведь человек есть то, что живет на суше.

И пусть нас не смущает то, что части сущностей находятся
 30 в целых как в подлежащих, чтобы нам не пришлось когда-нибудь утверждать, что эти части не сущности: ведь о том, что находится в подлежащем, было сказано, что оно находится в нем не так, как части содержатся в каком-нибудь [целом].

Сущностям и видовым отличиям свойственно то, что все [составленное] из них говорится соименно. Все [составленные] из них сказуемые сказываются или о единичном, или
 35 о видах. Первая сущность не составляет никакого сказуемого:

ведь она не сказывается ни о каком подлежащем. Что же касается вторых сущностей, то вид сказывается о единичном, а род — и о виде, и о единичном. Точно так же и видовые отличия сказываются и о видах, и о единичном. Далее, первые сущности принимают понятие вида и рода, а вид — понятие рода. Ибо все, что говорится о сказуемом, может быть применено и к подлежащему. Таким же образом и виды, и единичное принимают понятие видового отличия. Соименными же были у нас названы те предметы, у которых и имя общее, и понятие одно и то же. Поэтому все [составленное] из сущностей и из видовых отличий говорится соименно.

Всякая сущность, надо полагать, означает определенное нечто. Что касается первых сущностей, то бесспорно и истинно, что каждая из них означает определенное нечто. То, что она выражает, есть нечто единичное и одно по числу. Что же касается вторых сущностей, то из-за формы наименования кажется, будто они в равной степени означают определенное нечто, когда, например, говорят о «человеке» или о «живом существе»; однако это не верно. Скорее они означают некоторое качество, ведь в отличие от первых сущностей подлежащее здесь не нечто одно: о многих говорится, что они люди и живые существа. Однако вторые сущности означают не просто какое-то качество, как, [например], белое: ведь белое не означает ничего другого, кроме качества. Вид же и род определяют качество сущности: ведь они указывают, какова та или иная сущность. Род при этом определяет нечто большее, чем вид: тот, кто говорит «живое существо», охватывает нечто большее, чем тот, кто говорит «человек».

Сущностям свойственно и то, что им ничего не противоположно; в самом деле, что могло бы быть противоположно первой сущности, например отдельному человеку или отдельному живому существу? Ничто им не противоположно. Равным образом нет ничего противоположного и человеку или живому существу. Однако это не особенность сущности; это встречается и у многого другого, например у количественного. Ведь длине в два локтя или в три локтя нет ничего противоположного, так же и десяти, и [вообще] никакому количеству, разве только если сказать, что «многое» противоположно «малочисленному» или «большое» — «малому». Во всяком

случае, ни одному из определенных количеств ничего не противоположно.

35   Сущность, надо полагать, не допускает большей и мень-
 4а   шей степени. Я этим не хочу сказать, что одна сущность не мо-
 жет быть сущностью в большей или в меньшей мере, чем дру-
 гая (выше уже было сказано, что это так), а хочу сказать, что
 о каждой сущности, как таковой, не говорится как о сущности
 в большей или в меньшей степени. Так, например, если эта
 вот сущность есть человек, то не будет человеком в большей
 и в меньшей мере ни сам он по отношению к себе, ни один по
 отношению к другому. Ведь один человек не в большей мере
 человек, чем другой, не так, как одно белое в большей и в мень-
 5   шей степени бело, чем другое, и не так, как одно красивое на-
 зывается более красивым или менее красивым, чем другое.
 [В подобных случаях] и об одном и том же можно сказать, что
 оно по отношению к себе бывает [в разное время] таковым
 в большей и в меньшей степени; например, тело, будучи бе-
 15   лым, в настоящее время называется белым в большей степе-
 ни, чем прежде, или будучи теплым — в большей и в меньшей
 степени теплым. Сущность же никак не называется сущно-
 стью в большей или в меньшей мере. Ведь и человек не на-
 зывается в настоящее время в большей мере человеком, чем
 прежде. И точно так же — ничто другое из того, что есть сущ-
 ность. Таким образом, сущность не допускает большей и мень-
 шей степени.

10   Главная особенность сущности — это, надо полагать, то,
 что, будучи тождественной и одной по числу, она способна
 принимать противоположности, между тем об остальном, что
 не есть сущность, сказать такое нельзя, [т. е.] что, будучи од-
 ним по числу, оно способно принимать противоположности;
 так, один и тождественный по числу цвет не может быть бе-
 15   лым и черным; равным образом одно и то же действие, одно по
 числу, не может быть плохим и хорошим. Точно так же у все-
 го другого, что не есть сущность. Сущность же, будучи одной
 и тождественной по числу, способна принимать противополо-
 жности; так, отдельный человек, будучи единым и одним
 20   и тем же, иногда бывает бледным, иногда смуглым, а также
 теплым и холодным, плохим и хорошим. У всего другого это-
 го, по-видимому, нет, разве что кто-нибудь возразит и скажет,

что речь и мнение способны принимать противоположности. Ведь одна и та же речь кажется истинной и ложной; например, если истинна речь: «он сидит», то, когда он встанет, эта же речь будет ложной. То же самое и в отношении мнения: если правильно полагают, что такой-то человек сидит, то, когда он встанет, будет уже неправильно придерживаться этого мнения о нем. Однако если и согласиться с этим, то все же имеется различие в способе, [каким здесь и там принимаются противоположности]. В самом деле, сущности принимают противоположности, меняясь сами. Ведь, став холодной из теплой, сущность претерпела изменение (ибо она стала иной), и так же — став из бледного смуглым и из плохого хорошим. Точно так же и во всех остальных случаях сущность принимает противоположности, подвергаясь изменению; речь же и мнение, будучи сами во всех отношениях неподвижными, остаются совершенно без изменений, но из-за перемены обстоятельств для них получается противоположное; в самом деле, речь, [например], «он сидит», остается все той же, но в зависимости от происшедшей перемены обстоятельств она называется то истинной, то ложной. То же можно сказать и о мнении. Так что быть способной принимать противоположности в силу собственной перемены — это особенность сущности, по крайней мере по способу, [каким она их принимает]. Если, таким образом, кто-нибудь согласился бы с тем, что речь и мнение также способны принимать противоположности, то это было бы неверно. Ведь о речи и о мнении говорится как о способных принимать противоположности не потому, что они сами принимают что-то, а потому, что в чем-то другом переменялось состояние: в зависимости от того, происходит ли это или нет, и речь называется истинной или ложной, а не из-за того, что она сама способна принимать противоположности; ведь вообще ни речь, ни мнение нисколько и ничем не приводятся в движение. Поэтому, ввиду того что в них не происходит никакой перемены, они не способны принимать противоположности. О сущности же говорится как о способной принимать противоположности потому, что она сама их принимает: она принимает болезнь и здоровье, бледность и смуглость; поскольку она сама принимает каждую из таких противоположностей,

о ней говорится как о способной принимать их. Вот почему особенность сущности — это то, что, будучи тождественной и одной по числу, она способна принимать противоположности в силу собственной перемены. Итак, о сущности пусть будет достаточно сказанного.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
[Количество]

20 Что касается количества, то одно раздельно, другое непрерывно, и одно состоит из частей, имеющих определенное положение по отношению друг к другу, а другое — из частей, не имеющих такого положения. Раздельны, например, число
25 и слово, непрерывны — линия, поверхность, тело, а кроме того, время и место. В самом деле, у частей числа нет никакой общей границы, где соприкасались бы его части; так, например, если пять есть часть десяти, то пять и пять не соприкасаются ни на какой общей границе, а стоят раздельно; также и три и семь не соприкасаются ни на какой общей границе.
30 И вообще у числа нельзя указать общую границу его частей; они всегда стоят раздельно, поэтому число принадлежит к раздельным количествам. И таким же образом и слово принадлежит к раздельным количествам. Что слово есть количество, это ясно: ведь оно измеряется коротким и долгим слогом. А имею
35 я в виду слово, произносимое голосом: ведь его части не соприкасаются ни на какой общей границе, ибо нет такой общей границы, где соприкасались бы слоги, каждый из них стоит раздельно сам по себе.

5a Линия же непрерывна, ибо можно указать общую границу, где соприкасаются ее части, — точку, а у поверхности — линию: ведь части плоскости соприкасаются на некоторой общей границе. Таким же образом и у тела можно указать общую
5 границу — линию или поверхность, где соприкасаются части тела.

Также и время и место принадлежат к таким количествам: настоящее время соприкасается с прошедшим временем и с будущим. В свою очередь и место принадлежит к непрерывным количествам: ведь части тела, которые соприкасаются на
10 некоторой общей границе, занимают определенное место; стало

быть, и части места, которые занимает каждая из частей тела, соприкасаются на той же границе, где соприкасаются и части тела. Поэтому и место, можно сказать, непрерывное количество: ведь его части соприкасаются на одной общей границе.

Далее, одни количества состоят из частей, имеющих определенное положение по отношению друг к другу, а другие — из частей, не имеющих такого положения; так, части линии имеют определенное положение по отношению друг к другу: ведь каждая из них расположена где-то и можно было бы различить и указать, где каждая находится на плоскости и с какой частью из остальных она соприкасается. Точно так же имеют определенное положение и части плоскости: можно точно так же указать, где находится каждая из этих частей и какие части соприкасаются друг с другом. И равным образом — части тела и части места. У числа же нельзя было бы показать, каким образом его части имеют определенное положение по отношению друг к другу или где они находятся, а также какие части соприкасаются друг с другом. Нельзя это показать и у частей времени: ведь ни одна часть времени не неподвижна; а как может то, что не неподвижно, иметь определенное положение? Скорее можно было бы сказать, что время имеет некоторый порядок в том смысле, что одна часть времени существует раньше, а другая — позже. Точно так же обстоит дело и с числом — в том смысле, что один указывают при счете раньше, чем два, а два — раньше, чем три; и именно в этом смысле у числа имеется, пожалуй, некоторый порядок, а положение [для него] вовсе нельзя указать. И точно так же произнесенное слово: ни одна часть его не неподвижна, а каждая уже сказана, и ее уже нельзя ухватить; поэтому у частей слова нет положения, раз ни одна из них не неподвижна. Итак, одни количества состоят из частей, имеющих определенное положение, другие — из частей, не имеющих положения.

Количеством в собственном смысле называется только то, что указано выше; все остальное называется так привходящим образом; в самом деле, имея в виду те, которые были указаны, мы называем количествами и остальное; так, белое называется большим, потому что поверхность большая, и действие — продолжительным, потому что оно совершается долгое время, и точно так же движение — значительным: каждое из них

называется количеством не само по себе. Так, если кто-то указывает, сколь продолжительно действие, он определит его временем, указывая, что это действие длится год или что-то в этом роде; равным образом, указывая, что белое есть некоторое количество, он определит его через поверхность: как велика поверхность, такое же по величине, скажешь ты, и белое. Так что только указанное ранее называется количеством в собственном смысле и само по себе; из всего же остального ничто не называется так само по себе, а если и называется, то привходящим образом.

Далее, количеству ничто не противоположно; когда речь идет об определенных количествах, то ясно, что нет ничего противоположного им, например длине в два или в три локтя, или той или иной поверхности, или чему-то подобному: ведь им ничто не противоположно, разве только если сказать, что «многое» противоположно «малочисленному» или «большое» — «малому». Однако все это не количество, а скорее соотнесенное; в самом деле, ни одна вещь не называется большой или малой сама по себе, а лишь поскольку ее соотносят с другим, как, например, [какую-то] гору называют малой, а просяное зерно — большим, поскольку последнее больше других зерен, а первая меньше других гор. Таким образом, имеет место соотнесение с другим: ведь если бы вещь называлась большой или малой сама по себе, то гора никогда не называлась бы малой, а просяное зерно — большим. Точно так же мы говорим, что в селении много людей, а в Афинах мало, хотя здесь их во много раз больше, чем там, и что в доме много людей, а на представлении мало, хотя их здесь гораздо больше. Далее, длина в два или в три локтя и все тому подобное означает количество, между тем «большое» или «малое» означает не количество, а скорее соотнесенное. В самом деле, большое и малое рассматриваются в отношении к другому; поэтому очевидно, что то и другое принадлежит к соотнесенному. Далее, признает ли их кто-нибудь количеством или не признает, во всяком случае нет ничего противоположного им; в самом деле, как можно назвать что-то противоположным тому, что может быть взято не само по себе, а [лишь] в соотнесении с другим? Далее, если «большое» и «малое» будут противоположностями, то окажется, что одно и то же допускает в одно и то

же время противоположности и что вещи противоположны сами себе: ведь иногда бывает, что одно и то же в одно и то же время и велико и мало, ибо по сравнению с одним оно мало, а по сравнению с другим оно же велико; поэтому одно и то же бывает в одно и то же время и большим и малым, так что оно допускает в одно и то же время противоположности. Но, надо полагать, ничто не допускает в одно и то же время противоположностей, как мы это видим в отношении сущности: она, надо полагать, способна принимать противоположности, но во всяком случае ничто не бывает в одно и то же время больным и здоровым, как не бывает вместе белым и черным; и среди всего остального нет ничего, что допускало бы в одно и то же время противоположности. Иначе получается, что вещи противоположны сами себе. В самом деле, если большое противоположно малому, а одно и то же в одно и то же время велико и мало, то оно, можно сказать, противоположно само себе. Но быть противоположным самому себе — это нечто несообразное. Значит, «большое» не противоположно «малому» и «многое» — «малочисленному». Так что если даже причислять их не к соотнесенному, а к количеству, то все же они не будут иметь ничего противоположного.

Противоположность по количеству, надо полагать, имеется главным образом у места. В самом деле, «верх» считают противоположным «низу», называя место у середины «низом», так как расстояние от середины Вселенной до ее пределов самое большое. По-видимому, и определение остальных противоположностей заимствуется от этих: как противоположные друг другу определяют те вещи из одного и того же рода, которые больше всего отдалены друг от друга.

[Определенное] количество, надо полагать, не допускает большую и меньшую степень, например длина в два локтя: в самом деле, одно имеет длину в два локтя не в большей степени, чем другое. Равным образом и число; одна тройка, например, ничуть не в большей мере тройка, чем другая, и одна пятерка ничуть не в большей мере пятерка, чем другая. И один промежуток времени не называется временем в большей мере, чем другой. И вообще ни об одном из перечисленных видов количества не говорится, что оно есть количество в боль-

25 шей или меньшей мере. Стало быть, и количество [так же как
сущность] не допускает большей и меньшей степени.

Главная особенность количества — это то, что о нем гово-
рят как о равном и неравном; в самом деле, о каждом из ука-
занных количеств говорится как о равном и неравном; так, го-
ворят, что одно тело равно или не равно [другому] и что один
30 промежуток времени равен или не равен [другому]. Точно
так же и о каждом из остальных указанных количеств можно
говорить как о равном и не равном.

О прочем же, что не есть количество, вовсе, по-видимому,
нельзя говорить как о равном или не равном; так, об одном
расположении вовсе не говорят, что оно равно или не равно
[другому], а скорее, что оно сходно [с другим], и о чем-то од-
ном белом не говорят, что оно равно или не равно [другому
белому], а говорят, что оно одинаково [или неодинаково] бе-
ло. Таким образом, главная особенность количества — это то,
35 что о нем говорится как о равном и не равном.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ [Соотнесенное]

Соотнесенным называется то, о чем говорят, что то, что оно
есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином
отношении к другому; так, о большем говорят, что то, что оно
есть, оно есть в связи с другим; ведь говорят — большее, чем
что-то; и о двойном говорят, что то, что оно есть, оно есть в свя-
6б зи с другим; ведь говорят — двойное против чего-то. Так же
обстоит дело и с другим им подобным. К соотнесенному при-
надлежит и такое, как обладание, расположение, чувственное
восприятие, знание, положение. В самом деле, обо всем пере-
численном говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с дру-
5 гим, а не что-то иное: обладание есть обладание чем-нибудь,
и знание — знание о чем-нибудь, положение — положение че-
го-нибудь, и все остальное точно так же. Таким образом, со-
отнесенное — это то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно
есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отноше-
нии к другому, как, например, одна гора называется большой
в сравнении с другой, так как ее называют большой по отно-
шению к чему-то, и так же о сходном говорят как о сходном

с чем-то, и точно так же называется соотносенным и другое 10
 в этом роде. Далее, и возлежание, и стояние, и сидение суть
 некоторые положения, а положение принадлежит к соотно-
 сенному. С другой стороны, лежать, стоять или сидеть — все
 это само по себе не положения, а обо всем этом говорится как
 о производном от только что указанных положений.

У соотносенного бывает и противоположность; так, на- 15
 пример, добродетель противоположна пороку — то и другое
 принадлежит к соотносенному; и точно так же знание проти-
 воположно неведению. Однако не все соотносенное имеет про-
 тивоположное себе; двойному ничто не противоположно, рав-
 но как и тройному и вообще ничему подобному им.

Соотносенное, видимо, допускает большую и меньшую сте- 20
 пень. В самом деле, о чем-то говорят как о сходном и несход-
 ном в большей или в меньшей степени, так же как о равном
 и не равном в большей или меньшей степени, причем каждое
 из них есть соотносенное: о сходном говорят как о сходном
 с чем-то и о не равном — как о не равном чему-то. Однако не все
 соотносенное допускает бóльшую и меньшую степень: о двой- 25
 ном не говорится как о двойном в большей и в меньшей сте-
 пени, не говорится так ни о чем другом в этом роде.

Все соотносенные между собой [стороны] обоюдны; так,
 под рабом подразумевается раб господина, а под господином —
 господин раба; и под двойным — двойное по отношению к по- 30
 ловинному, а под половинным — половинное по отношению
 к двойному, равно как и под большим — большее по отноше-
 нию к меньшему, а под меньшим — меньшее по отношению
 к большему. Точно так же обстоит дело и в других случаях, раз-
 ве что иногда будет различие в окончании слова. Так, о зна-
 нии говорят, что оно знание познаваемого, а о познаваемом го-
 ворят, что оно познается знанием, равно как и о чувственном
 восприятии — что оно восприятие воспринимаемого, а о вос- 35
 принимаемом — что оно воспринимаемое восприятием. Одна-
 ко иногда такой обоюдности нет, если то, о чем говорится в свя-
 зи с другим, указано не так, как следует, а тот, кто указал это,
 сделал ошибку; так, например, если указано «крыло птицы», 7а
 то нельзя указать наоборот: «птица крыла», так как первое —
 «крыло птицы» — указано не так, как следует. В самом деле,
 говорят о крыле птицы не поскольку она птица, а поскольку